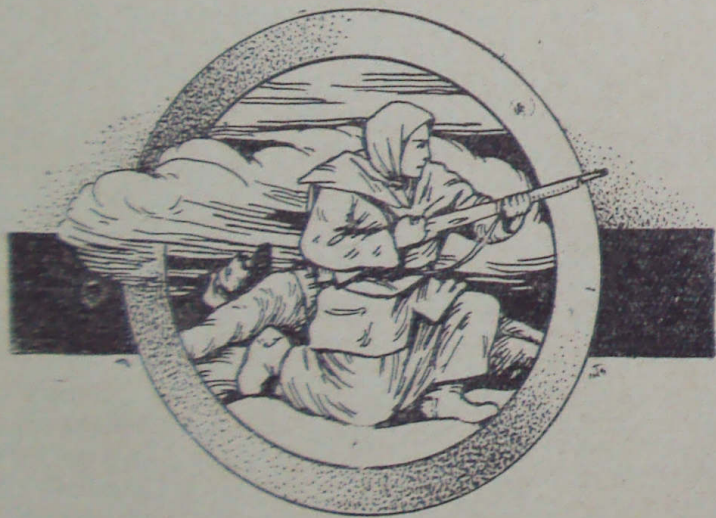

мелких отрядов, объединившихся под единым командованием т. Вольского. Кроме того в долину Сучана из Владивостока прибыли т.т. Ильюхов, Шишкин и др. партийные товарищи и по директивам парторганизации Владивостока также пытались создать штаб командования партизанскими отрядами, возглавив его тов. Ильюховым. Эта группа товарищей не хотела признать законным командование биневского штаба, требовала его роспуска, но симпатии партизан были на стороне биневского штаба, возглавляемого Вольским, как наиболее популярным боевым партизанским командиром. Начала разгораться между этими штабами глухая вражда, которая в конечном счете могла вылиться в весьма неблагоприятные для партизанского движения формы. Наш приход оказался своевременным. Мы ликвидировали оба эти штаба, отдав приказ о своем прибытии, о вступлении в командование и об организации совета партизанских отрядов. Вскоре этот совет был организован и партотряды с большой радостью встретили прибывших из центра и перестали чувствовать свою оторванность. Наша информация о положении дела с Советской Россией влила бодрость в партизанские отряды. Это было в тот момент, когда меркуловские части, тесня отступавшие части Народно-Революционной армии, заняли Хабаровск и вели наступление в сторону Волочаевки.

А. Флегонтов.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ПРИМОРЬЕ.

(1918—1922 г. г.)

2—3 июля 1918 г. в деревню Богуславку Иманского уезда приехал представитель иманского совета и сообщил, что 29 июня чехо-словаки с оружием в руках выступили против владивостокского совета и захватили власть с помощью меньшевиков и эсеров и что отряды красной гвардии, отступая из Владивостока, задерживают продвижение чехо-словаков на север и что для борьбы с черной реакцией и предателями революции необходимо, кому дорога рабоче-крестьянская власть, выступить с оружием в руках. Сделав информацию, представитель совета поехал дальше по деревням, оставив сход для разрешения вопроса о вооруженной помощи иманскому совету. Сход проходит около трех дней весьма оживленно и это понятно, так как в деревню пару месяцев тому назад вернулось большинство крестьян-солдат с долголетней империалистической бойни. Они еще не успели маломальски укрепить свое изношенное сельское хозяйство и отдохнуть, как снова встал перед ними вопрос о новом походе. Крестьяне поговорили, поспорили, но потом все, как один, решили, что необходимо выступить с оружием в руках на помощь советской власти. Тут же была произведена запись добровольцев в количестве 60 человек. Среди записавшихся была и молодежь, и солдаты, побывавшие на фронтах империалистической бойни, и старики с сыновьями, которые заявляли, что они своим сыновьям еще покажут, как нужно бороться за революцию и рабоче-крестьянскую власть. После схода было постановлено, что оставшиеся должны помогать семьям ушедших. Отряд меня избрал своим старшим товарищем и в помощь мне дал еще двух опытных старых солдат.

Итак, снарядив до 30 подвод, мы отправились в распоряжение иманского совета. Деревня, вручив нам Красное Знамя, провожала нас с революционными песнями и слезами далеко за деревню. По пути к Иману нам попадались многие деревни, где мы делали небольшие остановки, созывая сходы, призывая крестьян присоединиться к нам на борьбу против чехов, на защиту революции. Наш живой призыв, призыв соседа, имел большой успех. К нам в каждой деревне присоединялись все новые и новые группы крестьян с оружием в руках. Таким образом, мы на 4-й день вступили в г. Иман с отрядом до 150 человек, где нас встретил с приветствием т. Рябуха и др. После приветствий нам было выдано обмундирование, вооружение и снаряжение с боеприпасами. Нас разместили в казарме, недавно оставленной ротой солдат, ушедшей на фронт. На следующий день было приступлено к выявлению военной подготовки отряда. Оказалось, что многие ее не имеют и тут же было приступлено к обучению.

Я никогда не забуду одного старика, который пришел с тремя сыновьями и которому предложено было не проходить строя, за преклонным возрастом, а оставаться в нестроевой роте, но наш старик очень обиделся, выругался и заявил, что он может лучше и крепче держать винтовку в руках, чем молодой, и что ему нужно только показать строй. И старик был допущен к учебе.

С фронта в Иман вернулся один из ответственных руководителей г. Имана т. Татаринцев. Было созвано экстренное заседание совета, где был заслушан его доклад о положении на фронте и было постановлено созвать чрезвычайный крестьянский съезд на 17 июля.

Съезд собрался в г. Имане в назначенный день, на который прибыли представители крестьян и от некоторых казачьих поселков и представители армии. Съезд проходил очень бурно. Представители армии требовали немедленного пополнения и подкрепления сил. Крестьяне поддерживали, но представители казачьих делегатов, реакционно настроенных, требовали прекращения военных действий и посылки делегатов к чехам.

Большинством съезда было постановлено немедленно приступить к мобилизации и недопущению свержения советов чехо-словаками. Для успешной борьбы с контр-революцией был избран съездом военно-революционный комитет с передачей ему всей полноты власти и на него же было возложено проведение мобилизации в уезде. Мобилизация была проведена успешно. Под оружие встало до 6000 человек.

В это время чехи уже подкатились к Уссури, где наши части с большим упорством сдерживали натиск противника, а после прибывшего подкрепления до 6000 человек, чехи были опрокинуты и обращены в бегство. Задержались они лишь под самым Спасском и то при помощи японцев.

И только тогда, когда наше командование убедилось в том, что против нас выступил с оружием в руках хорошо бронированный японский кулак и после упорного боя; наши части начали отступать. По приказанию штаба наши части должны были в Имане дать бой, но отступавшие части не удалось удержать в Имане. Тогда штаб решил дать бой на Вяземской, но и здесь получилась та же картина, что и на Имане. Наши части таяли с каждым днем, так как многие, проходя мимо своих деревень, дальше уходить не желали.

Штаб видел, что удержать войска не было возможности, каждая часть старалась добраться до своего места жительства и сейчас же покидала армию. Мы отступили от г. Имана самыми последними, забрав вооружение, обмундирование и проч. военный инвентарь.

Прибыв на Красную Речку, меня вызвали в Хабаровск, где предложили занять пост начальника охраны города, от которого я отказался, так как все, в том числе и члены Дальсовнаркома, покидали гор. Хабаровск. В то же время был издан приказ о роспуске Народно-Революционной армии, членам которой предлагалось принять меры к самосохранению.

Самым последним со своим отрядом на пароходах по р. Уссури и Амуру отступал Шевченко.

Однажды вечером, точно не помню какого числа, в г. Хабаровск под прикрытием японцев, вступили калмыковцы. В это время город находился под охраной и управлением городской думы. На следующий день после занятия города, к вечеру приехал и сам Калмыков под охраной своих казаков и японцев. Его прибытие ознаменовалось расстре-

дом на следующий день в 11 часов дня 16 человек музыкантов, состоявших из мадьяр, чехов и др., игравших в «Чашке чая» и не принимавших никакого участия в гражданской войне. Начались ежедневные аресты, порки и расстрелы, в первую очередь участников уссурийского фронта и рабочих, заподозренных в принадлежности к большевикам. Калмыковцы не особенно разбирались при обысках и арестах и зачастую арестовывали и пороли меньшевиков-домовладельцев и в особенности тех, которые не предоставляли квартир для чинов калмыковской и японской своры. Через две недели настроение мелких домовладельцев и вообще обывателей изменилось в пользу большевиков. Калмыковцы дальше Хабаровска не пошли, они здесь занялись грабежами, расстрелами, порками и насилием над мирным населением.

В большинстве своем арестовывались люди ни в чем неповинные, но вырваться из калмыковских застенков было очень трудно. Японцы же во всем им потворствовали. Спустя несколько дней, в Хабаровск стали прибывать новые силы интервенции—американцы, французы и другие. Спустя около двух месяцев скрывания и скитания по Хабаровску и при открытии возможности выезда по ж. д. без пропуска,—выехал я и многие другие участники уссурийского фронта по направлению к Владивостоку, где белогвардейщина не так свирепствовала.

События во Владивостоке.

24 декабря 1919 года японским консулом были приглашены представители центрального бюро профсоюзов г. Владивостока на банкет по случаю рождества.

В то время в Приморье свирепствовала черная реакция. Неоднократные попытки рабочих, под руководством коммунистической партии, свергнуть власть Розанова не имели успеха. Об этом очень ярко говорит хотя бы и гайдовское восстание, происходившее в середине ноября 1919 г., где рабочие по призыву коммунистической партии и под ее руководством организовались в боевые дружины совместно с чехами, гайдовцами и выступили против розановщины. Повстанческими отрядами в первую очередь был занят вокзал и Добр. Флот. В рядах розановщины происходила полная растерянность и паника. Дипломатический корпус еще не определил своей линии поведения и после двух дней совещания Япония оказалась на стороне Розанова. Розанов выделил все лучшие свои части против восставших рабочих. Профессиональными организациями была объявлена всеобщая стачка.

Я был назначен начсвязи. Пробравшись в штаб, я увиделся с тов. Раевым и др., которые снабдили меня листовками и устными указаниями, что рота Дальзавода должна быть все время наготове и при первой возможности она будет вооружена и даны ей оперативные задания. Все были уверены в том, что переворот мы произведем удачно, так как значительные силы были на нашей стороне, но не учли интервенционной политики. С наступлением темноты начался бой. Японцы были выдвинуты вторым кольцом в помощь белогвардейцам. Вокзал, место боя, переходил из рук в руки несколько раз, доходя до рукопашного боя. Боем руководил сам Гайда. Так продолжалось двое суток, а на третьи—повстанцы были разбиты. Раненых повстанцев белогвардейцы прикалывали штыками. В этом восстании было потеряно убитыми до 200 человек, главным образом, пострадали грузчики. После «победы», белогвардейщина приступила к повальному обыскам, арестам

стам и разгрому профессиональных организаций. Среди арестованных были схвачены 6 лучших наших товарищей, им грозила смерть. Нелегальное центральное бюро профсоюзов обратилось к американскому и японскому штабу с протестом против ареста наших товарищей. На это представители центрального бюро профессиональных союзов получили устное заверение от штабов, что они не допустят совершить расправу и примут соответствующие меры. Но спустя неделю наши товарищи были Розановым расстреляны.

Время шло. Наше партизанское движение крепло и ширилось за счет крестьян и вновь мобилизованных белой «армии спасения» — с полным вооружением переходивших целыми частями к партизанам. Революционное настроение рабочих и крестьян росло, а розановщина готовилась к бегству из Владивостока. Это происходило в декабре 1919 года. И вот, учтя такое положение, японские дипломаты решили заигрывать с рабочими профорганизациями в лице владивостокского центрального бюро профсоюзов. Центральное бюро в это время находилось на нелегальном положении и занимало маленькую комнатку в помещении типографии выше Нардома, на сопке по Нагорной улице, так как с момента чешского переворота 1918 года центральное бюро

— Группа партизан.

ро не раз подвергалось налетам и грабежам и к концу 1919 года центральное бюро имело только одну пару дел и печать. В это время при центральном бюро официально не числилось комфракции и мне, как члену партии и члену центрального бюро, было поручено тов. Кушнаревым представит. партбюро большевиков выявить число членов партии и оформить комфракцию, что и было сделано. Перед рождеством 1919 года, в помещении центрального бюро профсоюзов должно было состояться межпартийное собрание.

Окончив на Дальзаводе работу в 4½ часа, я спешил на собрание. Подойдя к воротам типографии, я увидел у калитки стоящий новый автомобиль. Когда я вошел в центральное бюро, то увидел японского консула и некоторых наших товарищей. Консул нас посетил с целью приглашения на банкет по случаю рождества. В разговоре с нами консул, между прочим, спросил: «Как русский народ относится к японскому народу? Почему вы не хотите посетить банкет?». Ему было отвечено, что японский народ мы уважаем и уважает его наш народ, но мы плохо относимся к японскому командованию и японскому правительству за то, что оно творит насилие на нашей территории, над нами, что японское командование секретно приказывает белогвардейцам расстреливать наших рабочих и крестьян, а также за то, что японское командование вмешивалось с оружием в руках в восстание рабочих и подавило его, расстреляв сотни рабочих. Центральное бюро профессиональных союзов обсудило на своем заседании приглашение японского консула на банкет, устраиваемый японским командованием и вынесло постановление: «от приглашения отказаться, а послать письмо японскому командованию, изложив причины, не позволяющие нам посетить банкет. В этом письме решили перечислить все творимые японским командованием над рабочими насилия, издевательства, белогвардейские расстрелы с благословения японского штаба, поджоги сел и деревень и грабежи населения и т. д.

Переворот 31 января и выступление японцев 4—5 апреля 1920 года.

События развивались быстрым темпом. В белогвардейских рядах наблюдалась паника, растерянность. Белогвардейцы нервно готовились к бегству. Пароход «Орел» бывшей экспрессной линии Доброфлота, ставший крейсером во время империалистической войны, был пришвартован к Клубной пристани. Вся ненадежная команда на нем была заменена гардемаринами, а часть специалистов моряков держалась под конвоем и не пускалась на берег. Центральное бюро профессиональных союзов подготовляло однодневную политическую стачку протеста против существования власти Розанова. Стачка была объявлена 2 января 1920 года. Дальневосточный завод, Транспортная электростанция, трамвай и многие государственные и общественные предприятия и учреждения прекратили в этот день работу. Необходимо было также закрыть все магазины, для чего стачкомом были приготовлены приказы, где предлагались от имени рабочих немедленно оставить работу.

Таким образом, в городе вся жизнь замерла, несмотря на все принятые розановщиной меры к восстановлению работ. Для пуска электростанций, как городской, так и Дальзаводской, были вызваны военные, но последние сделать ничего не смогли и только поздно ночью было дано немного света, но зато после их работы оказались попорченными машины и пожженными котлы.

31 января 1920 года Владивосток был занят партизанами почти без выстрела. Занятие города было проведено строго по плану, разработанному нашим штабом. Так, 31 января утром с первыми выходящими из парка трамвайными вагонами были развезены по всему городу партизанские части и почти все часовые Розанова были захвачены спящими и разоружены. Крейсер «Орел» ушел накануне вечером с Розановым, задержать его в Восточном Босфоре не удалось.

По занятии города партизанами, власть перешла к временному правительству, во главе с меньшевиком Медведевым, но фактически руководили и управляли представители партии большевиков.

С японскими частями на местах, в виду их вызывающего поведения, нарастали конфликты с нашими частями. Для улаживания этих конфликтов был создан комитет содействия из представителей русско-го и японского командования. Выборы в советы прошли оживленно. Главным образом, в советы прошли представители большевиков, блокировавших с центральным бюро профсоюзов.

Съезд советов состоялся 3 апреля 1920 года во Владивостоке в Народном Доме.

С 4 на 5 апреля ночью одновременно по всему Приморью японцами было произведено провокационное нападение на наши части, сопровождавшееся разоружением наших частей. Были захвачены все наши учреждения и на них были вывешены японские флаги. Помещения ЦБ и др. профсоюзов были разгромлены. По временам казалось, что Владивосток превратился в японский порт, так как на всех ближайших сопках и на многих наших учреждениях развевались японские национальные флаги. Так продолжалось около трех дней, после чего исчезли японские флаги с сопки и наших учреждений. Одновременно были выведены воинские части из учреждений. Японское командование решило добиться влияния на дальнейшее оформление власти и вытеснение за 30-верстную зону от линии железной дороги наших народоармейских частей, за исключением установленного количества для охраны города. Такие условия в русско-японской согласительной комиссии, под давлением японских штыков, нашими представителями были подписаны. Так, в Приморском крае было создано Народное Собрание, куда входили представители всевозможных партий и групп населения, до артистов включительно. Народное Собрание избрало правительство со всеми атрибутами, во главе которого стоял тов. Антонов, член компартии.

Японское командование с созданием в Приморье парламента, рассчитывало иметь над ним исключительное влияние,—но просчиталось, так как влияние имели коммунисты, что было не по нутру японцам. По этим причинам японское командование и стало подготавливать переворот, группируя вокруг себя белогвардейские отряды и снабжая их оружием и деньгами.

Партийные организации, начиная с ноября месяца 1920 года, были объявлены на военном положении. Городская организация была разбита на районы, последние на десятки. Десятки несли ночные дежурства и наблюдали за белогвардейскими организациями и передвижением японцев.

По городу носились усиленные слухи о перевороте, но переворот не совершался. Первая попытка белогвардейцев, с помощью японцев, произвести переворот, в последних числах марта 1921 года,—не удалась. По городу все же продолжали ходить слухи о перевороте. Партийная организация, народная охрана и моряки организовали бдительную охрану революционного порядка.

26 мая 1921 года в 10 часов утра в одном из домов была арестована группа белогвардейцев. В этом доме был белогвардейский организационный центр и там же японцы снабжали их оружием. Арестованных повели в административный отдел, но около японского штаба, ко-

торый находился против магазина Кунст и Альберс, арестованные отказались идти дальше. Собралась толпа. Белогвардейцы стали кричать: «Долой правительство» и призывали толпу зевак и японцев освободить их. В это же время под видом рабочих, отправляющихся на рыбалки, вошли в город со стороны Первой Речки каппелевцы, которые, выйдя на Китайскую улицу, бросились к идущим с другой стороны подводам со спрятанным оружием.

Разобрав оружие, каппелевцы стали занимать государственные учреждения. В административном отделе белогвардейцы получили должный отпор. Засевшие там несколько наших товарищей не сдавали отдела и перебили многих белогвардейцев.

Наше правительство переехало в Шефнеровские казармы на территорию Дальзавода. Несмотря на многочисленность каппелевцев, наши немногочисленные части стали основательно колотить противника. Тогда в бой ввязались японцы и помогли каппелевцам занять все стратегические пункты. Однако, каппелевцам все же было трудно занимать город, так как они почти везде наткнулись на наши небольшие отряды и партийные боевые десятки, которые выбивали каппелевцев из отдельных зданий и наших учреждений. При посредстве японцев начались переговоры. Японцы доказывали, что каппелевцы в конце концов городом овладеют и предложили свои услуги по перевозке правительства в гор. Иман. Положение было серьезное и нам ничего не оставалось делать, как принять предложение японцев.

Центральным бюро профсоюзов был выделен стачком. Последний объявил всеобщую забастовку. Забастовка проходила дружно. Рабочих электростанции, железнодорожников и др. каппелевцы ловили на квартирах и на улицах по указанию шпииков и приводили на работу, заставляя работать под конвоем. Вся партийная организация была переведена на нелегальное положение. Некоторым товарищам предлагалось выступить из города в Анучино. Каппелевцы долгое время не могли занять районов Дальзавода, Мальцевского базара и Матросской Рабочей слободки.

Наши части до 400 человек на следующую ночь после переворота выступили на «Три камня» Уссурийского залива, где нас ждали зафрахтованные шаланды. Погрузив на шаланды наш обоз и людей, а лошадей отправив берегом до д. Петровки, находящейся на противоположном берегу Уссурийского залива, мы отплыли в Петровку.

Спустя пять часов, мы добрались до другого берега Уссурийского залива. После выгрузки нашего инвентаря и провизии на берег мы получили обед, состоящий из одной селедки и хлеба. В скором времени подехали к нам и товарищи с лошадьми, сообщив нам, что они на своем пути ни одного каппелевца не встретили. После обеда мы направились в деревню, куда должен был притти проводник, который должен был нас провести в дер. Серебряную, чтобы там соединиться с анучинским отрядом. Проводник не пришел и мы решили заночевать у товарища Пелекзирном, Казнодеем, Сомовым и другими пошли ночевать к знакомому мне мельнику. На утро к нам прибежал крестьянин и сообщил, что в деревню вехали японцы и, что все товарищи уже ушли из деревни. Мы быстро очутились за деревней. Перейдя дорогу, мы поднялись на сопку и увидели, как по дороге вслед за нашими товарищами поскакали японцы. На сопке мы встретили еще двух товарищей, которые присоединились к нам.

Из всех нас только я один знал дорогу до дер. Бровничи, от которой тайгой тропинка вела в Анучино. К вечеру через овраги и солончак, болота и поля мы добрались до дер. Романовки. Я с одним из товарищей пошел в деревню на разведку и через своих знакомых узнал, что в деревне японцы. Большинство японцев, находившихся в этой деревне, направилось накануне ночью на деревни Речицу и Петровку для поимки красных. За моими товарищами в лесок выехала подвода, чтобы провезти их в деревню незамеченными. В деревне нас основательно подкормили, одного товарища, не имевшего оружия, крестьяне снабдили берданкой. Вечером мы прошли линию железной дороги и направились в дер. Ново-Васильково. Ночь была очень темная, моросил дождь, к концу ночи мы добрались до деревни. На утро мы встретили в этой деревне многих из своих товарищей. Из этой деревни мы направились в дер. Новороссию. От встретившихся нам крестьян мы узнали, что в деревне стоят японцы с полевым орудием и что подозрительных — не крестьян они задерживают. В силу этого нам пришлось обходить через лес деревню и через большие топкие болота и пашни мы к вечеру добрались до д. Ново-Москва. Рано утром нас разбудили

Группа участников партизанского движения в Приморье.

крестьяне и сообщили, что в деревню приехали японцы. Очевидно им сообщили, что в деревне много красных. Пришлось снова сняться. Через болота и непроходимые леса, наталкиваясь в попутных деревнях на японцев, мы кое-как добрались до деревни Гродеково, расположенной от Анучино приблизительно в 20 верстах. В Анучино в это время были японцы и мы остались в Гродеково. Через 3 дня после нашего прихода в Гродеково, наши части получили приказ направиться в Анучино, так как японцы оставили таковое. В Анучино я получил назначение в Никольск-Уссурийск для организации Ревкома и сколачивания парторганизаций. На следующий день я с т. Пелекзирном отправился в путь. К вечеру мы дошли до деревни, где стояла наша по-

следняя застава. Переночевав в этой деревне, мы утром вышли дальше по направлению к Никольску.

В первой же деревне после нашей заставы нас задержала японская застава. Приведя нас к японскому штабу и поставив спиной к нему, нам приказали не поворачиваться и не трогаться с места. Мы, таким образом, прождали до 30 минут, после чего раздалась команда — кругом. Повернувшись, мы перед собой увидели заспанного японца в штатском — переводчика, который нам задал несколько вопросов: куда и зачем мы идем, кто мы такие? Я ответил, что я учитель, приезжал на отдых к моим родственникам, а мой товарищ сказал, что он инструктор по пчеловодству и что мы теперь возвращаемся домой в город. После этого нам еще был задан вопрос: — не знаем ли мы, сколько частей находится в Анучино? Где, какие и сколько стоит застав? На это мы ответили, что красные нас под конвоем вывели на дорогу и нигде не давали останавливаться, так что мы ничего не увидели. После допроса мы получили разрешение идти дальше. У дер. Ивановки нас догнал крестьянский порожний обоз, мы сели на телеги и въехали незаметными в деревню, в которой на каждой улице стояли по углам японские патрули. В деревне мы встретили т. Богатырева, который направлялся в Никольск и Владивосток для налаживания снабжения анучинских частей как питанием, так и вещевым довольствием. Пообедав в Ивановке, мы вышли в одиночку разными дорогами и далеко за деревней встретились, а там пошли опять вместе. В деревню Осиновку мы пришли к вечеру. В этой деревне меркуловский агитатор о чем то докладывал крестьянам, но его плохо слушали, при чем многие из них выражали свое неудовольствие агитатором свистом и тюканьем. Тогда агитатор рассердился и крикнул: «С вами не разговаривать нужно, а нагайкой хорошенько вас, вот тогда вы поймете, как вести себя на собрании».

На следующий день к вечеру мы добрались до города, где мне и удалось разыскать, по имеющимся у меня адресам, оставшихся товарищей и собрать нелегальное собрание, на котором присутствовало до 15 человек членов партии, где и был избран Ревком.

Ревкомом на третьи сутки я был командирован во Владивосток для налаживания связи. Прибыв во Владивосток и исполнив поручения, я был оставлен облкомом партии для работы в городском комитете партии в центральном бюро профсоюзов. Городская организация была разбита на районы, последние на десятки. При такой системе удавалось очень быстро собирать членов партии. Наша организация в городе работала очень усиленно, — проводили стачки и вели весьма опасную работу среди капеллевских солдат. Кроме того мы выпускали сначала легальную, а потом нелегальную газету. Работа среди военных имела несколько провалов, вследствие чего являлись аресты и расстрелы наших товарищей. Были разгромлены также и профсоюзы. Меркуловская контр-разведка усилила свою работу, работать было чрезвычайно трудно, так как многие явочные квартиры были известны. Также через провокаторов были известны контр-разведке и имена наших руководителей.

Довольно часто по воскресеньям в Народном Доме собирались конференции рабочих, где избирались делегаты для выражения протестов японскому командованию и меркуловским правителям против разгрома профсоюзов, арестов и высылки. От японцев мы категорически требовали недопущения расстрелов наших товарищей.

На собрании всегда присутствовали чины полиции, которые часто прерывали ораторов и вели работу по срыву конференций, но это им не удавалось. Участники конференций всегда расходились с пением Интернационала.

В конце 1921 года ожидался приезд в город тов. Цейтлина, представителя Дальбюро ЦК партии для руководства работой в Приморской области. Тов. Цейтлин проник в город в возу сена и жил у доктора Моисеева. О его приезде знали только ответственные руководители, однако же японская разведка узнала о местопребывании т. Цейтлина и, по распоряжению японского штаба, меркуловская контр-разведка произвела налет на квартиру, где в это время находился т. Цейтлин—и зверски его убила. После этого случая меркуловщина с еще большим зверством производила репрессии и аресты.

Дальнейшее пребывание членов областного комитета партии т.т. Шишкина (маленького Володи), Шишлянникова и др. было чрезвычайно опасно и выезд их из города был крайне необходим. Постановлением облкома были введены новые члены облкома т.т. Бахвалов, Дорелло и я.

Нами была созвана партконференция в ноябре—декабре месяце 1921 года, на которой участвовало до 30 человек.

В скором времени после конференции был арестован один из нашего руководящего органа Дорелло, который выдал контр-разведке всех участников конференции, из которых большинство были арестованы и подверглись пыткам и избиениям. Дорелло также сообщил контр-разведке все наши явочные квартиры, описал внешность руководителей нашей организации и все время являлся консультантом у контр-разведки при допросах наших товарищей. Им же был выдан наш архив, наша типография и наши связи с Харбином, через который мы получали средства и директивы из ДВР. После предательства Дорелло дальнейшая наша работа стала совершенно невозможной. В тюрьме ему был объявлен бойкот. В то же время мы принимали меры к его отравлению через пищу, но было опасно, так как вместо него могли отравиться другие товарищи.

В январе месяце 1922 года нас заменили т.т. Слинкин и Горихин, приехавшие в город. В скором времени прибыл к нам и уполномоченный Дальбюро ЦК ВКП(б) т. Никитенко, по кличке Павел, после чего работа стала снова налаживаться и входить в свое русло.

Товарищам Бахвалову, Гушину и др. было предложено выехать в Анучино, а я был назначен уполномоченным облбюро ВКП(б) по Никольск-Уссурийскому району, куда я выбыл для работы в апреле месяце 1922 года.

Никольск-уссурийская организация совершенно заглохла, связи с ней никакой не было. Все профсоюзы были загнаны в подполье. Мною было приступлено к оживлению работы парторганизации, которая насчитывала до 50 членов и столько же, приблизительно, комсомольцев. Большинство членов организации ушло в партизанские отряды. Связь была налажена с Владивостоком, партизанскими отрядами и Пограничной. Также было приступлено к легализации профсоюзов, но устав их задерживался утверждением во Владивостоке, что, однако, не мешало проводить нелегальные профконференции и тем самым оживить проф-работу.

Работа снова закипела по всему Дальнему Востоку, партизанское движение с каждым днем крепло и причиняло все больше и больше беспокойств белогвардейцам и их покровителям.

В первых числах октября открылась 4-я краевая партконференция, которая прошла очень оживленно и с большим воодушевлением. А 25 октября Народно-Революционная армия сбросила в океан последние остатки белогвардейщины и заставила покинуть освобожденный Дальний Восток интервентов.

После занятия Владивостока Народно-Революционной армией был создан военно-революционный комитет, который и управлял Приморьем до созыва советов.

В. А. Врублевский.

